

Владислав ХОДАСЕВИЧ

<Рец. на кн.:> **Андрей Белый. Крещеный китаец**

Изд. «Никитинские субботники». Москва, 1927

В своей статье «Аблеуховы—Летаевы—Коробкины» (см. «Современные записки», кн. XXXI) я говорил, между прочим, о романе Андрея Белого «Преступление Николая Летаева», некогда печатавшемся в тех же «Современных записках»¹. Печатание «Преступления Николая Летаева» было внезапно прервано самим автором на XIII книжке журнала, где, под последней из напечатанных глав романа, читаем слова: «Продолжение следует».

Пишучи свою статью, я не знал, недокончено «Преступление Николая Летаева» или же только недопечатано. Однако ж я рассматривал «Преступление» как одно из звеньев в цепи беловских романов-вариантов, объединенных темой «потенциального отцеубийства»: прочими звеньями я называл «Петербург» и «Москву». Установив разительное сходство действующих лиц и их взаимоотношений во всех трех романах, я указывал, что Котик Летаев, герой «Преступления», Митя Коробкин (герой «Москвы») и Николай Аблеухов (герой «Петербурга») суть лишь варианты одного персонажа — преступного сына. Отметив в точности, в чем именно заключается преступность Николая Аблеухова и Мити Коробкина, я писал: «“Преступление Николая Летаева” не напечатано полностью... Но по заглавию мы вправе заключить, что сюжетной осью романа должно было явиться какое-то преступление, совершаемое маленьким Котиком... Совершить преступление Котику предстояло».

Недавно вышедший в Москве «Крещеный китаец» оказывается не чем иным, как тем же «Преступлением Николая Летаева». В «Крещеного китайца» вошли все главы, напечатанные в «Современных записках», а также ряд глав, не появившихся, сколько нам известно, в печати², но публично читанных автором в петербургском «Доме Искусств» весной 1921 года. Однако и в нынешнем дополненном виде «Крещеный китаец» («Преступление Ни-

колая Летаева» тож) остается в сюжетном отношении вполне фрагментарным. Вероятно, сознавая это, автор и убрал подзаголовок «роман». Правда, теперь в некоторых местах уже несколько отчетливее намечаются возможные очертания будущего «преступления», но все же произведение Белого обрывается, не достигнув того момента, когда преступление приняло бы более или менее конкретные формы. Как и «Преступление Николая Летаева», «Крещеный китаец» есть еще только экспозиция романа: изображение летаевской семьи.

В «Крещеном китайце» мы имеем дело с произведением хотя и допечатанным, но не законченным. Несомненно, что это и побудило Андрея Белого заменить первоначальное заглавие: нельзя было по-прежнему называть «Преступлением» вещь, в которой дело до преступления не доходит. По-видимому, это преступление (быть может — в несколько измененном виде) перенесено автором в «Москву». Теми же причинами объясняется и то, что теперь автор вовсе отбросил предисловие к роману, напечатанное в «Современных записках»: в том предисловии заключалось обещание изобразить преступление Котика. Что касается нынешнего заглавия, — оно довольно случайно. По-видимому, оно механически заимствовано из последней фразы: «папа — крещеный китаец». Благодаря этому в «Крещеном китайце» центральным лицом становится отец Котика, а не сам Котик, как, очевидно, должно было быть в «Преступлении Николая Летаева».

Таким образом, операция, предпринятая Андреем Белым, ничего не меняет в начертанной мною схеме его замыслов. Напротив, то обстоятельство, что для «Москвы» выделена из «Преступления Николая Летаева» его главная тема, — лишь подтверждает мою мысль о «стабильности» этой темы у Андрея Белого.

О том, что «Преступление Николая Летаева» не закончено, надо пожалеть. Там Андрей Белый, видимо, намеревался подойти к своей теме гораздо глубже, нежели в «Москве» или в «Петербурге», показать преступность не только в проявлении, но и в самом ее зарождении. Нельзя не отметить также, что «Преступление Николая Летаева» (или, по-нынешнему, «Крещеный китаец») по манере письма несравненно тоньше «Москвы», в которой те сложные и тонкие приемы, которые были найдены в «Преступлении», — доведены до лубка.

